

ПОЭТИКА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

УДК 82-053.2 (075)

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г.ХАГГАРДА «ПОСЛЕДНЯЯ БУРСКАЯ ВОЙНА»

© А.Х.Вафина

Статья посвящена исследованию специфики восприятия «чужой» культуры в публицистической прозе Генри Хаггарда. Жизнь туземцев и культура буров в произведении «Последняя бурская война» рассматриваются через призму колониального дискурса. В тексте Г.Р.Хаггарда нарратор выступает как представитель иной культуры по отношению к изображаемому им миру. Наличие в книге опосредованной точки зрения на исторические события обусловливается присутствием нового типа героя с выраженной активной гражданской позицией. В статье выявляются основные составляющие альтернативной авторской модели видения «чужого».

Ключевые слова: английская литература, публицистическая проза, англо-бурская война, автор, нарратор.

Как известно, в своих неоромантических произведениях Г.Хаггард «окунает» читателя в неизведанный мир загадочных стран, в романтику небывалых приключений. Повествование неизменно передается автором в руки европейца, человека цивилизованного, обладающего научными познаниями в области географии, биологии. Его герой руководствуется трезвым умом, свободен от религиозных верований. В этом плане не являются исключениями и публицистические произведения Г.Хаггарда. Описываемое, как и в романах писателя, представляется от имени образованного белого человека, представителя Британской империи.

Именно такой тип нарратора представлен в произведении Г.Хаггарда «Последняя бурская война» («The Last Boer War»). Несмотря на то что книга была написана в 1882 году, непосредственно после англо-бурского восстания 1881 года, автор опубликовал данную работу только в 1899 году, после начала событий англо-бурской войны. Данная временная дистанция позволила писателю внести коррективы в уже описанное, этим же фактом объясняется и наличие пространного вступления, где автор анализирует настоящую ситуацию и обращается к читателю с просьбой пересмотреть описанное с учетом изменившихся обстоятельств: «Именно по причине последствий печальных событий, обрушившихся на нас, о чем пойдет речь на этих страницах, я осмеливаюсь вновь придать их гласности с тем, чтобы все, кого это заинтересует, смогли прочесть и найти в событиях 1881 года истинные причины войны 1899 года» [1]. Подобная отсылка к актуальным историческим событиям позволяет автору публицистического текста символизировать действительность путем вычленения

этического контекста. Но при этом данный конфликт в произведении Р.Хаггарда приобретает вполне конкретную определенность, поскольку «происходит своеобразное приращение его публицистического смысла за счет контекстных отношений» [2: 135].

Повествование в произведении «Последняя бурская война» относится к тому периоду, когда имперская миссия Великобритании ставится под сомнение в связи с возросшей конкуренцией с Германией и США. Вместе с тем борьба за империю становится важнейшей национальной задачей, поскольку «она оправдывается необходимостью в ресурсах колоний для повышения благосостояния общества» [3: 3]. Именно в этот период культурный механизм викторианской эпохи трансформируется, выдвигая на первый план образ гражданина-интеллектуала, действующего, активного, который выступает как «субъект взаимодействия в мире культуры, значения, ценности и нормы» [4: 193].

В публицистическом тексте Хаггарда репрезентируется подобный тип героя-проводника, «объективирующего и социализирующего значения ценности и нормы» [4: 193]. Его позиция отлична от общепринятого политического курса империи, а также норм морали по отношению к «другому». В первую очередь это проявляется в отношении к туземцам, которые в тексте часто называются «людьми с цветной кожей». Нарратор не отказывается от деления человечества по типу кожи, также придерживается и общепринятого мнения о расовом доминировании европейца: «Я, конечно, понимаю, что белый человек, как это принято считать, имеет право на собственность и землю чернокожего» [1]. Именно этот факт определяет симпатии автора к бурам как

представителям более высокой расы. Также определяется необходимость участия в конфликте только буров и англичан, поскольку недопустимо, чтобы белокожее население подверглось порабощению со стороны цветного.

Однако текст Г. Хаггарда рассчитан на другого читателя, который не является пассивным наблюдателем изначально заданной и неизменной информации. Воспринимающий публицистический текст автора – это эмпирически-универсальный индивид (Сорокин П.А.), обладающий правом выбора в зависимости от динамично меняющихся социальных условий. В данном случае нарратор в произведении скорее выполняет функцию цензора, в задачу которого входит подготовка к восприятию новой информации. В качестве таковой выдвигается идея о признании роли в обществе человека с другим цветом кожи: «<...> По всем основным умственным и физическим данным они очень похожи на белых людей, но как раса более сообразительны, благородны, честны и отважны по сравнению с обычной средней категорией белокожих граждан» [1]. Данное оправдание и признание прав туземцев становится более уместным, когда в качестве доказательства Г. Хаггард приводит переиначенные слова еврея Шейлока из «Венецианского купца» У. Шекспира: «Таким образом, спрашиваю я: «Разве нет у туземца чувств или привязанностей? Разве не страдает он, когда гибнут его родители, когда похищают его детей, а он сам вынужден бродяжничать, изгнанный из собственного дома? <...>» Скорее, наоборот; а раз так, то я не могу поверить, что Всевышний, сотворивший белых и черных, дал одним право истреблять, грабить, издеваться над другими, называя все это прогрессом цивилизации» [1]. Тем самым аллюзия на классический текст английской литературы становится убедительным фактом в пользу достоверности и права на жизнь выдвигаемого отношения к туземцу.

Особое место в тексте занимает образ «другого». Несмотря на то что буры «свои» по цвету кожи, а также по географическому происхождению (в тексте неоднократно говорится о фермерах-переселенцах), автор представляет буров как отличных от англичан. Доминирующим фактором для подобного разграничения выступает не черта характера, как это принято в художественном произведении, а политический фактор. Это отношение к политическому курсу и законодательству Британского государства. Так, в произведении подчеркивается, что государственная система правления на местах коренным образом отличалась от предусмотренной системы прозрачности и соблюдения принципа справедливости в иерархии власти: «Свобода же и справед-

ливая форма правления отстают на задний план» [1]. Также образ другого создается и по принципу несоответствия ценностным ориентирам официальной власти. В качестве такового выступает официальный закон об отмене любой формы рабства по отношению к туземцам. Осмысление этого факта в тексте не ограничивается рамками политического дискурса. В произведение вводится оценочное, субъективное отношение к факту насилия над человеческой природой, пусть и иной, другой по цвету кожи. Здесь автор приводит многочисленные примеры в описании жестокости буров по отношению к туземцам: «Он смотрит на «темнокожее создание» так, как будто оно передано ему в руки самим Господом Богом для того, чтобы он мог им распоряжаться по своему усмотрению, а именно убивать или превращать в раба» [1]. Данный факт осмысливается в тексте как основная отличительная черта характера бура – жестокость, что не свойственно цивилизованному белому человеку. Отношение к рабству вводит еще одну доминирующую черту по отношению к фермерам-переселенцам. В качестве таковой выступает нецивилизованный человек, как образ чужого с белым цветом кожи. Тем самым образ бура, несмотря на то что он является переселенцем, воспринимается как субъект, не имеющий национальной английской идентичности, поскольку он не является носителем патриотических идеалов, им движут только собственнические инстинкты, а также жадность и бесчеловечность по отношению к более низшей расе. Задача же англичанина – это великая цивилизаторская миссия. Данный факт оправдывает в глазах нарратора активную агрессию «своих» по отношению к переселенцам: «Как бы ни было трудно отдельной части английских избирателей и общественных деятелей признать сам факт, тем не менее, нет особой необходимости часто повторять, что предстоящая война будет войной, навязанной нам бурами по их слепому невежеству и тщеславию» [1].

Тем не менее в тексте образ жизни бура представлен под мифологическим ореолом в контексте неоромантической традиции. Так, автор сопоставляет буров с народом Израиля, руководимого верным фараоном. Земля буров – это «земля обетованная», с несметными залежами золота. Благодаря особенностям политического устройства, жители этой «земли» освобождены от необходимости выплачивать налоги в государственную казну: «Под понятием «земной рай» они понимают жизнь в стране, где все необходимые административные расходы оплачиваются посторонними лицами» [1]. Однако подобное сопоставление с библейской легендой о народе Египта вводит в текст

мотив обреченности судьбы бура, который попирает законы и нормы морали: «Насколько это известно обществу, ни моральный, ни интеллектуальный потенциал никогда полностью и не удовлетворялся в этой стране» [1]. Данный мотив божьего возмездия вводится в текст посредством демонстрации преступления бура против новых «израильтян», уитлендоров, зарабатывающих свое состояние трудом и соблюдающим законодательный кодекс, в отличие от фермеров-переселенцев: «Местному фараону приходилось, ожесточив свое сердце и требуя от новых «израильтян» Йоханнесбурга более тяжелого воздаяния в виде прямых и косвенных налогов, лишая их всех по очереди последней надежды на свободу» [1]. Однако автор иронизирует по поводу представления буров о своем богоизбранничестве. Так, в произведении Хаггарда подчеркивается, что основная миссия буров, в отличие от англичан, согласно древним ветхозаветным преданиям, заключается не в перевоспитании и приобщении неверующих к христианской культуре, а в их искоренении: «Их религия берет свое начало из самых темных и мрачных страниц Ветхого завета; они <...> восхищаются историями о том, как израильтяне зверски расправлялись со старцами <...>. Подобно им, буры считают себя людьми, избранными Богом, который возложил на них миссию по искоренению местных языческих племен, и поэтому они всегда готовы по примеру из священного писания к убийству и грабежам» [1].

Однако образ божьей кары, представленной в ветхозаветном сюжете в виде так называемых десяти казней египетских, в тексте Хаггарда трансформируется. В качестве возмездия в произведении автора выступает социальная сила – вооруженное противостояние между англичанами и бурами как единственно возможный способ восстановления мирового баланса и гармонии. Вместе с тем текст Хаггарда лишен оптимизма по отношению к англичанам как к избранным. Данный мотив обреченности воссоздается благодаря поражению пороком самого английского общества. В тексте в качестве мотивировки невозможности разрешения конфликта выступает обвинение против островной Англии, которая раздирается политическими противоречиями между либералами и консерваторами. В данном случае подобное противостояние локализовано в пространстве. Средоточием конфликта выступает правящая элита на Даунинг-стрит.

Между тем есть в тексте Хаггарда и другая история, которая передана через ореол романтизации. В качестве таковой выступает история африканских племен, которая напоминает тексты древних народно-героических эпосов. Предводители пле-

мен выступают как сильные воины, наделенные отвагой и храбростью, но причиной их порабощения стало отсутствие образования и руководства научным знанием, что и способствовало незаконному захвату земель у племен. В тексте Хаггарда образ туземца, или кафра, выступает как образ «чужого друга», который нуждается в опеке со стороны более сильного. Этот друг сам обращается за помощью к англичанину, а также всегда готов к верному служению своему покровителю, поскольку он избавил его, хотя и на время, от бурского рабства. Данные отношения между коренными жителями Африканского континента и англичанами осложняются темой вины и ответственности, которая в тексте вложена в уста представителей англичан, находящихся на территории Трансвааля, тогда как обитатели Даунинг-стрит преследуют политические интересы в избирательной кампании Великобритании. Тем самым на Британское правительство возлагается вина в предательстве младших собратьев и отходе от священной цивилизаторской миссии белого человека: «Силамба сказал так: «Я английский подданный. <...> Разве это правильно, если такого человека, как я, схватят, бросят на землю и начнут избивать палками». А вот слова Синкахлы: « <...> буры <...> без спросу поселились здесь и обращались с нами очень худо. <...> Сегодня нас позвали сюда, чтобы сообщить, что <...>, нашу страну, королева возвращает бурам» [1]. Данное обвинение автор вкладывает в уста коренных жителей Африканского континента, что позволяет автору представить объективную картину «преступления», совершенного правительством Великобритании по отношению к своим миссионерским обязательствам.

Таким образом, публицистический текст Хаггарда определяет коренные вехи в колонизаторском дискурсе Великобритании. Автор подчеркивает значимость политического курса страны, определяет судьбу народов, перед которыми европейский человек, будучи носителем культурных ценностей и обладая правом передачи данных традиций нецивилизованным народам, несет определенную меру ответственности перед ними. Тем самым определенным критерием для определения «чужого» как «друга» представляется наличие возможности англичанина осуществлять опеку над более слабым. Образ же «другого» определяется в качестве «другого инакомыслящего» в случае его враждебной настроенности к цивилизаторской миссии империи. Несостоятельность «другого» по отношению к «своим» определяется посредством художественных принципов, присущих романному творчеству автора. Наказание врага является своего рода реализацией библей-

ского сюжета о божьей каре отступников, трансформированного в объективную ситуацию.

Обращение к известному историческому факту определяет наличие конфликта в данном произведении, сводимое к конфронтации двух лагерей: буров и англичан. Вместе с тем данная оппозиция не вписывается в традиционную неоромантическую бинарную оппозицию. В первую очередь это объясняется тем, что автор признает английское происхождение буров и определяет их право жить на этой земле тем, что они являются первыми переселенцами из Англии и вполне обоснованно могут проживать на этой территории. Следовательно, географическое и историческое осмысление их роли и функции на территории Африканского континента в книге оправдывается. Поэтому в текст вводится конфликт через другие составляющие, что не свойственно романному творчеству. В качестве таковых выделяются политические противоречия в интересах сторон: приводится отношение к государственной казне буров и англичан. Здесь Хаггард основное внимание уделяет нежеланию буров платить налоги, что в итоге и является одной из основных причин аннексии в Трансваале. При этом в тексте Хаггарда правом голоса обладают и «свои», и «чужие». Функция же определения исторической достоверности одной из точек зрения передается читателю. Тем самым достигается диалогизация оппозиционных текстов через посредническую модель, в качестве каковой выступает адресат автора – читатель. Для составления объективной картины описываемого автор прибегает к заложенным в публицистическом жанре приемам: насыщенность

текста социальной информацией, коммуникативная установка на роль нарратора, который обладает правом оценивать описываемое. Также автор пользуется и преимущественным правом передавать в публицистическом тексте повествование «чужому» (прямая речь героев, комментируемые высказывания, выдержки из обсуждаемых документов, перечисление оспариваемых аргументов «идейных» противников, рассказ оппозиции, занятой по интересующему автора вопросу какими-либо общественными группами и т.д. [2: 135-136]). Такое многоголосие позволяет создать объективное представление о предмете повествования и усиливает роль диалогичности текста, что позволяет представить разрешение вопроса «свой – чужой» в истории имперской политики в отношении Трансваала в его исторической перспективе.

1. Хаггард Г.Р. Последняя бурская война / пер. В.Синелобова. – М.: Терра, 1998. – 52 с. // URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=11473/> (дата обращения 03.05.2014).
2. Горохов М.Ю. Автор или соавтор? (Свое и чужое в публицистическом творчестве) // Вестник ВГУ, 2004. – Серия: Филология. Журналистика. – № 2. – С. 134 – 138.
3. Богомолов С.А. Имперская идея в Великобритании в 70-80-е гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук: Саратов, 1993. – 17 с.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – 544 с.

THE OPPOSITION «FRIEND OR FOE» IN «THE LAST BOER WAR» BY G.HAGGARD

A.H.Vafina

The article is devoted to the specificity of foreign culture perception in journalistic prose by Henry Haggard. The life of the natives and the Boers' culture in *The Last Boer War* are studied through the prism of colonial discourse. In G.R.Haggard's text the narrator acts as a representative of a different culture with respect to the portrayed world. The presence of mediated viewpoints on historical events in the book is due to the presence of a new type of a socially-minded hero. The paper also identifies the main components of an alternative author's model of *foe*.

Key words: English literature, journalistic prose, the Boer Wars, author, narrator.

1. Haggard G.R. Poslednjaja burskaja vojna / per. V.Sinelobova. – М.: Terra, 1998. – 52 s. // URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=11473/> (data obrashhenija 03.05.2014) (In Russian)
2. Gorohov M.Ju. Avtor ili soavtor? (Svoe i chuzhoe v publicisticheskom tvorchestve) // Vestnik VGU, 2004. – Serija: Filologija. Zhurnalistika. – № 2. – S.134 – 138. (In Russian)
3. Bogomolov S.A. Imperskaja ideja v Velikobritanii v 70-80-e gg. XIX veka: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk: Saratov, 1993. – 17 s. (In Russian)
4. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. – М.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1992. – 544 s. (In Russian)

* * * * *

Вафина Алсу Хадиевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.

E-mail: alsu_vafina@mail.ru

Vafina Alsu Hadievna – PhD in Philology, senior lecturer, Department of World Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia

E-mail: alsu_vafina@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2014